

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

В. И. Козлов. *Общее языкознание.* — М., «Высшая школа», 1974. 303 стр.

Общезвестно, насколько трудно написать такой учебник по общему языкознанию для студентов, в котором просто, доходчиво и обобщенно излагались бы основные теоретические аспекты развития языка и языкознания, сущность языковых процессов, соотношение языка и мышления, языка и общества и методы исследования языка. Не всякий языковед-теоретик возьмет на себя тяжелейший труд написания такого учебника или учебного пособия. В истории советской высшей филологической школы впервые такая попытка была предпринята И. И. Мещаниновым, который в своем учебном пособии «Общее языкознание»¹ справедливо отмечает, что наличие таких курсов указывает на необходимость постановки общих проблем в лингвистике. Курс по общему языкознанию, по мнению И. И. Мещанинова, устанавливая основные линии языкового развития, помогает конкретному изучению каждого языка. «В этом заключается сложность изложения курса и в то же время широта возможного его построения»².

Думается, что отмеченные И. И. Мещаниновым особенности курса общего языкознания нашли полное отражение в рецензируемой книге, написанной с учетом достижений современного языкознания.

Книга является первым учебником по курсу «Общее языкознание» для студентов филологических специальностей университетов и педагогических институтов. Учебник состоит из трех частей: «История языкознания» (стр. 4—116), «Теория языка» (стр. 117—201), «Методы языкознания» (стр. 202—281). В конце каждой главы дается литература темы, а в конце книги — дополнительная литература.

Историю лингвистики автор рассматривает как последовательное накопление

знаний о языке вообще и об отдельных языках, как развитие логики науки, уточнение и углубление теории, методов и методики лингвистики. Всю историю языкознания В. И. Козлов делит на пять основных этапов: 1) от филологии древности к языкознанию XVIII в.; 2) возникновение сравнительно-исторического языкознания и философии языка (конец XVIII — начало XIX в.); 3) логическое и психологическое языкознание (середина XIX в.); 4) неограмматизм и социология языка (последняя треть XIX — начало XX в.); 5) современное языкознание и структурализм (30—60-е годы XX в.). В конце 60-х годов, по мнению автора, начинается новый, шестой этап в истории языкознания: «Тенденция объединить достижения разных школ и направлений свидетельствует о новом этапе развития языкознания, который характеризуется тем, что постструктуральное современное языкознание предстает перед нами как разветвленное и многоаспектное, как интегративное языкознание, или плюралистическая лингвистика, охватывающая на все достижения прошлого и включающая в себя различные научные и национальные традиции» (стр. 98).

При характеристике каждого этапа истории языкознания автор дает описание наиболее влиятельных школ и направлений, стремится выявить актуальные, утверждающиеся знания, свидетельствующие о поступательном развитии языкознания. Особое внимание в книге обращается на вклад отечественного языкознания в теорию и практику мировой лингвистики.

Первый этап («детство лингвистики»), по мнению автора, — самый продолжительный; он свидетельствует о медленном и постоянном накоплении в разных странах лингвистических знаний и лингвистической проблематики. Подробно рассказывается о грамматике Панини и александрийской системе частой речи,

¹ И. И. Мещанинов, *Общее языкознание*, Л., 1940.

² Там же, стр. 6.

всеобщей рациональной грамматике и нормативных грамматиках и словарях. Нормально-стилистический тип грамматики рассмотрен на примере «Российской грамматики» М. В. Ломоносова.

Второй этап лингвистики отмечен возникновением сравнительно-исторического языкознания и философии языка (рассмотрена лингвистическая концепция В. Гумбольдта). В главе говорится о трех периодах в развитии компаративистики, причем более детально охарактеризован первый период и, в частности, концепция А. Шлейхера. Значение работ Шлейхера состоит в применении принципа моделирования к истории языка, ибо, как правильно подчеркнул Б. Дельбрюк, «построенный тип языка есть не что иное, как формула, служащая для выражения изменяющихся мнений ученых о размерах и свойствах языкового материала, которые выносили для себя отдельные языки из своего общего праязыка» (стр. 33).

Третий этап в истории лингвистики характеризуется преодолением односторонне логических и натуралистических концепций и утверждением принципа историзма и социальной природы языка. Если совмещение логического и исторического принципов рассмотрено на примере лингвистических взглядов Ф. И. Буслаева, то лингвистический психологизм охарактеризован на примере лингвистических взглядов А. А. Потебни и младограмматиков, которые отстаивали историзм на психологической основе.

В конце XIX — начале XX в., отмечает автор, возникает лингвистическое направление, для которого типично не только подчеркивание социального и исторического в речевой деятельности, но и относительной автономности языковой системы и ее единиц. Бодуэн де Куртене и Крушевский обращали особое внимание на языковые атомы — фонемы и морфемы; Фортунатов и Пешковский говорили о языковых молекулах — формах слова и формах словосочетаний, а Соссюр подчеркивал важность языковых отношений, поскольку «суффиксы и основы обладают значимостью лишь в меру своих синтагматических и ассоциативных противопоставлений». Специального наименования для этого направления нет. Автор предлагает назвать его неограмматизмом, так как теория грамматики, занимая в этом направлении центральное место, получила особое освещение. Термин «лингвистической формализм» менее точен.

К неограмматику относятся казанская и московская лингвистические школы, а также женева и парижская школы, возникшие на базе лингвистической концепции Ф. де Соссюра. Основные положения всех школ неограмматизма рассмотрены в четвертой главе (стр. 56—78)³.

³ О неограмматизме см. также: В. И. Кодухов, Казанская лингви-

Для пятого этапа истории лингвистики характерно бурное развитие уже существующих школ и направлений, а также возникновение структурного, математического и прикладного языкознания. В главе более детально рассмотрены функциональная лингвистика (Пражский лингвистический кружок), дескриптивная лингвистика (школа Л. Блумфилда и З. Харриса — в ее отношении к концепции Э. Сепира и Н. Хомского) и глоссемика (школа Л. Ельмслена). В этой части учебника нам представилось бы целесообразным хотя бы вкратце дать изложение основных различий между различными направлениями структурализма⁴.

Значительным явлением пятого этапа истории лингвистики является возникновение советского языкознания, опирающегося на практику языкового строительства в Советском Союзе и базирующегося на марксистско-ленинской философии. Советскому языкознанию посвящена специальная глава: в ней дана краткая история советского языкознания, охарактеризованы его основные достижения, три лингвистические концепции — И. И. Мещанинова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова.

Изложение теории языка начинается с рассмотрения проблемы языка и речи. Указав на различные аспекты проблемы, автор подчеркивает, что язык обладает тремя качествами: система, норма, речевая деятельность — таков тройкий предмет языкознания. «Понимание, — пишет В. И. Кодухов, — языка как метаязыка и исследовательской модели, а речи как текста не определяет природы языка и речи как предмета и объекта языкознания» (стр. 121). Поэтому В. И. Кодухов считает целесообразным установить те признаки и свойства языка, которые порождают текст и которые существуют объективно как объект и предмет языкознания.

Во второй части пять глав: «Знаковые и незнаковые свойства языка» (стр. 123—133), «Язык как система» (стр. 133—152), «Язык и мышление» (стр. 152—167), «Язык и общество» (стр. 167—185), «Язык и история» (стр. 185—201).

Проблема знаковой природы языка рассматривается автором с трех точек зрения — взаимоотношения общей се-

стическая школа, «Вопросы теории и методики изучения русского языка», Казань, 1971 («Уч. зап. Казанск. пед. ин-та», 96).

⁴ См. об этом: И. Б. Р а м и ш в и л и, Основные принципы Копенгагенской школы структурализма, Тбилиси, 1974 (резолюция на русск. яз.); реферат этой книги см.: РЖ «Общественные науки в СССР», Серия 6 — Языкознание, 1975, 3; Ф. М. Б е р е з и н, История лингвистических учений, М., 1975, стр. 263—266.

миотики и лингвосемиотики, специфики языка как семиотической системы и основных вопросов лингвосемиотики как раздела лингвистики. В. И. Кодухов подчеркивает, что лингвосемиотическая теория языка должна учитывать многозначность языка, наличие в нем единиц, обладающих различной структурой и назначением. Классификация языковых единиц обязана учитывать их различную знаковую природу (сигналы и знаки), соотношение знаков друг с другом (полные знаки и частичные знаки), их назначение (структурные и коммуникативные знаки). Естественно, что необходимо рассмотреть субординацию языковых единиц — выделить среди них основные (базисные) и второстепенные (вспомогательные)» (стр. 130).

Учение о ярусной структуре языка включает, по мнению автора, рассмотрение вопроса об основных и промежуточных ярусах языка, а также полюсах языковой системы. Основными ярусами языка признаются фонетико-фонологический, морфемо-морфологический, синтаксический и лексико-семантический; каждый из них охарактеризован в главе. Промежуточными ярусами являются морфологический, словообразовательный и фразеологический. Полюсами называются признаки языковых единиц, которые связывают систему языка с внеязыковой действительностью. На материальном полюсе обнаруживаются признаки плана выражения — речевая цель и дифференциальные признаки фонем; на идеальном — признаки плана содержания: контекст и дифференциальные признаки семантических единиц языка. В конце главы рассмотрены три теории структуры языка — теория изоморфизма, теория иерархии уровней и теория частей речи, реализующих связи ярусов языка в единое целое.

Раздел общего языкознания, который изучает связи языка и мышления, типы и структуру языковых значений, автор называет менталингвистикой, или лингвистической концептологией. В главе охарактеризованы основные направления менталингвистики (логическое, психологическое, семиотическое и контекстное), типы и виды языковых значений и вопрос об отражательной функции языка. Среди языковых значений выделяются два типа — структурные и информативные. Структурными называются значения самих единиц языка — лексические и грамматические, которые в свою очередь могут быть указательными (деикативными) и характеризующими (дискативными). Информативные значения есть компоненты структуры передаваемых сообщений; среди них выделяются четыре вида — логико-языковой, предметно-понятийный (когнитивный), эмоционально-оценочный, стилистический (коннотативный). При использовании языка в контексте происходит актуализация и специализация того

или иного компонента языкового значения. Так, в историзме происходит выделение на передний план культурно-исторического и понятийного компонентов, тогда как в архаизме на переднем плане оказывается символический, оценочный и стилистический компоненты.

В главе, посвященной социологии языка, или социолингвистике, рассматривается социальная природа речевой деятельности, язык как социально-историческая норма и социальные типы языка (язык народности, национальный язык, язык межнационального общения). Указав на такие свойства нормы языка, как ее избирательность, устойчивость и обязательность, автор далее останавливается на трех основных типах языковой нормы — устной, литературной и стилистической. Особо подчеркивается социальная значимость литературной нормы языка.

Историческая изменчивость языковой нормы — такое же существенное качество языка, как и динамизм его системы. В главе рассмотрено два типа изменений языка — варьирование и замещение; замещение, или естественные трансформации, непосредственно связано с выделением хронологических срезов и периодов истории языка. Периодизация истории языка связана также с историей общества, контактами между народами и развитием культуры. В последних параграфах рассмотрена проблема внешних и внутренних законов, а также причины исторического развития языков.

Третья часть учебника начинается главой о соотношении философского метода познания, общенаучных и лингвистических методов исследования. Лингвистическое познание характеризуется в книге как процесс, охватывающий такие способы изучения языка, как наблюдение, экспериментирование и моделирование. Поскольку модели исследования опираются на обобщение в форме абстрагирования и идеализации, представляя или замещающая объект, постольку лингвистические модели бывают двух типов: модели-образцы и модели-конструкты. Кроме формулировок, являющихся вербальным способом наглядно-образной записи основных свойств модели, в лингвистике используются невербальные способы записи — формулы, чертежи, графики.

В учебнике различаются понятия аспекта, приема и методики (процедуры) исследования, обозначаемые в лингвистических работах термином «метод». Основными лингвистическими методами-аспектами признаются описательный, сравнительный и нормативно-стилистический. Каждый из методов-аспектов характеризуется своими принципами и задачами, объединяя и видоизменяя различные приемы и методики анализа в зависимости от особенностей изучаемых объектов и частных задач, поставленных перед исследователем.

В учении об описательном методе лингвистики важным является различение единиц языка и единиц анализа, причем единицами анализа могут выступать единицы языка и речи. Так, морфема, будучи единицей языка, может быть использована как единица анализа состава и структуры слова. Единицы анализа могут быть большими и меньшими сравнительно с единицами объекта анализа, и это служит базой для возникновения методики компонентного и контекстного анализа.

Приемы описательного метода делаются на два типа: приемы внешней интерпретации и приемы внутренней интерпретации. Приемы внешней интерпретации делятся на два вида: а) приемы интерпретации единиц языка через их связи с языковыми явлениями (социологические, логико-психологические и артикуляционно-акустические); б) приемы интерпретации единиц языка через другие единицы языка; сюда относятся приемы межуровневой интерпретации (например, морфемная морфология и морфологический синтаксис) и дистрибутивные приемы, которые вскрывают особенности изучаемой единицы через ее окружение.

Приемы внутренней интерпретации автор делит на три вида: 1) приемы классификации и систематизации; 2) приемы парадигм и синтагм, в том числе прием семантического поля, оппозиций и позиционный прием; 3) трансформационные приемы.

Особо рассмотрены в главе математические приемы анализа языка — аксиоматическая методика порождающей грамматики и инвариантный семантический анализ, приемы лексикографической статистики, стилистистики и изменения текста приемами теории информации. Заканчивается глава параграфом об инструментарно-фонетических приемах и автоматизации лингвистических исследований.

Последняя глава посвящена сравнительному методу, т. е. методу межязыкового сравнения. На методике межязыкового сравнения основывается три метода — сравнительно-исторический, историко-сравнительный и сопоставительный. Отличаются они целями и приемами анализа.

Сравнительно-исторический метод автор определяет как метод исторического изучения родственных языков; его основными приемами являются: установление генетического тождества, реконструкция праформ, установление абсолютной и относительной хронологии. Особо говорится о методике этимологического анализа.

От сравнительно-исторического метода автор отличает историко-сравнительный метод. Это — система приемов и методики анализа, используемая при изучении исторического развития отдельного

языка в целях выявления его внутренних и внешних закономерностей. Принципом историко-сравнительного метода является установление исторического тождества и различия форм и звуков языка. Важнейшие приемы: приемы внутренней реконструкции и хронологизации, диалектографии, культурно-исторической интерпретации, а также прием текстологии» (стр. 263).

Замечания и пожелания автору книги касаются прежде всего объема и интерпретации материала, расстановки общелингвистических акцентов. При изложении истории языкознания желательно было бы более подробно, чем это сказано на стр. 12—13, рассказать о классической и восточной филологии, особенно про арабское языкознание, о проблемах языкознания в философии XVII—XVIII вв. Более детально следовало бы сказать о взглядах А. А. Шахматова, которого трудно представить только как ученика Ф. Ф. Фортунатова. Когда говорится о советском языкознании (стр. 111), необходимо, на наш взгляд, охарактеризовать особенности теории общего языкознания советского периода.

На стр. 118—120 дан обзор взглядов на проблемы языка и речи. Целесообразно, думается, при втором издании книги, выделить рассмотрение этой проблематики в особую главу.

Вызывает также замечания глава о знаковых и незнаковых особенностях языка. Во-первых, этот вопрос перекрещивается с проблемой единиц языка и это недостаточно разграничено. Во-вторых, следовало бы дать обзор различного понимания знака в общей семиотике (в частности, изложить взгляды Пирса, который оказал большое влияние на развитие общесемиотической теории). Наконец, недостаточно, на наш взгляд, отражены в учебнике вопросы лингвистики универсалий, типологического языкознания, лингвистики текста.

Естественно, что при рассмотрении существенных характеристик языка автор в ряде случаев дает собственную интерпретацию той или иной проблемы. Этот субъективизм легко понять, если учитывать необычайное многообразие точек зрения лингвистических течений и тенденций в современной лингвистике, неоднозначность решения рассматриваемых в учебнике проблем. Достоинство этой в общем удачной книги в том и состоит, что автор отобрал наиболее важные проблемы, показав при этом всю сложность их решения и стимулировав тем самым творческую мысль как вступающих в науку молодых исследователей, так и сложившихся ученых.

Ф. М. Березин